

## Заключение из книги Сергея Волкова «Интеллектуальный слой в советском обществе»

---



*Встреча руководителей партии и Правительства с советской интеллигенцией. Художник Дмитрий Налбандян. 1960-1961 гг. Холст, масло.*

Образованный слой, выращенный советским строем, представлял собой в некотором роде уникальное явление. В отличие от практики большинства других стран и дореволюционной России, где он складывался естественно-историческим путем, в СССР он был создан искусственно, причем в огромной степени из не годного к тому материала, и как нечто временное, подлежащее «отмиранию» в недалеком будущем. Эти обстоятельства и определили его внутреннее состояние и положение в обществе. Вместо небольшого по численности, но компетентного дореволюционного интеллектуального слоя, чуждого идейно-политическим основам новой власти, страна получила массовую, низкоквалифицированную, но в целом политически надежную и преданную этой власти прослойку «служащих». Форсированная «интеллигентизация» общества привела к исчезновению подлинного интеллектуального слоя как особого

социального фактора, эффект «всеобщей полуграмотности» губительно сказался на перспективах выделения интеллектуальной элиты.

Система образования, сложившаяся и функционировавшая при преобладающем влиянии идеологических установок режима, давала своим воспитанникам в лучшем случае лишь более или менее узкоспециальные навыки, необходимые для исполнения профессиональных функций, да и то лишь в лучших учебных заведениях (масса провинциальных вузов, профанируя и фальсифицируя понятие высшего образования, была неспособна и на это). Общекультурный уровень, обеспечиваемый советским образованием, уровень гуманитарной культуры, был не только ниже всякой критики, но являлся, скорее, величиной отрицательной, ибо подлинная культура не только не преподавалась, но заменялась «партийными дисциплинами» (история, например, до середины 30-х годов вообще была запрещена к преподаванию).

Воспитанная таким образом интеллигентская масса была лишена понятий о личном и корпоративном достоинстве по причине своего происхождения и отсутствия связи с прежним образованным слоем (где такие понятия естественным образом проистекали от былой принадлежности к высшему сословию). Новых же понятий такого рода она приобрести не могла, поскольку в советском обществе образованный слой не только не имел привилегированного статуса, но, напротив, трактовался как неполноценная в социальном плане, временная и ненадежная «прослойка» – объект идейного воспитания со стороны рабочих и крестьян.

Единственной чертой, роднившей новый интеллектуальный слой со старым, была слабая связь с собственностью. Это, в принципе, та черта, которая предполагает относительно большую зависимость от государства и склонность к конформизму. Но если до революции это компенсировалось принадлежностью значительной части интеллектуального слоя к высшему дворянскому сословию и связанными с такой принадлежностью психологическими факторами, то в советское время полная материальная зависимость от государства ничем компенсироваться не могла.

Такой интеллектуальный слой, однако, единственно и мог соответствовать характеру установившегося государственного порядка.

Общество с подобным качеством, статусом и положением в нем «образованного сословия» в принципе не может быть конкурентоспособным в сколько-нибудь длительной исторической перспективе и обречено на деградацию, что вполне проявилось к концу 70-х годов. Деградация интеллектуального слоя была неизбежной прежде всего потому, что советский строй основан на принципе антиселекции. Он не только уничтожал лучших, но (что еще более существенно) последовательно выдвигал худших.

Результатом же продолжавшегося более полувека отбора худших явилось то, что не только верхушка политического руководства в составе нескольких сот человек представляла собой коллекцию соответствующих человеческих образцов, но и на всех последующих, низших этажах пирамиды находились люди тех же достоинств. Вот почему советский строй не способен был принципиально измениться в случае устранения его высшего руководящего слоя.

Успешное развитие государственного организма в огромной степени зависит от того, насколько удастся «совместить» элиту интеллектуальную с элитой управленческо-политической, проще говоря, в какой мере удастся в данном обществе привести интеллектуальные качества человека в соответствие с его общественным положением – обеспечить продвижение по служебной лестнице если не наиболее одаренных, то, по крайней мере, наиболее образованных людей. Если одаренность может оцениваться субъективно, то для уровня образования в каждом обществе существуют объективные критерии, и по тому, насколько они оказываются значимы для служебной карьеры, можно судить об установках данного общества.

Если управленческая элита дореволюционной России состояла из лиц, получивших лучшее для своего времени воспитание и образование, если государственная элита современных европейских стран также в огромном большинстве состоит из выпускников самых престижных университетов, то в СССР, идеологическую основу власти в котором составлял принцип «диктатуры пролетариата» (то есть как раз наименее образованного слоя), наблюдалась прямо противоположная картина. Выдвижение на ведущие посты лиц по принципу превосходства в уровне образования и общей культуры было не только невозможно по идейно-политическим соображениям, но и превращено в свою противоположность – практику «отрицательного отбора», когда сознательно отбирались и выдвигались люди, обладавшие, по возможности, некоторыми организаторскими способностями и знанием узкого «ремесла» (хотя и это было не обязательно), но как можно меньшего интеллекта, кругозора, знаний и творческих способностей (каковые качества не предполагали искреннего принятия господствовавшего идеологического маразма и, соответственно, лояльности властям, его насаждавшим).

Не удивительно, что высший политико-управленческий слой отличался едва ли не самыми худшими культурно-образовательными характеристиками среди других категорий лиц умственного труда в стране (479). В составе управленческой элиты почти не встречалось даже выпускников тех немногих престижных учебных заведений, которые (пусть даже только на фоне других советских вузов) действительно отличались качеством даваемого образования. Советские управленческие кадры получали чисто символическое образование в провинциальных технических вузах и техникумах (к тому же очень часто «без отрыва от производства») плюс ВПШ, т.е. по общекультурному уровню худшее

из возможного даже в СССР. Для выдвиженца на партийную работу требовалась «сознательность», а не творческие достижения и тем более способность самостоятельно мыслить, поэтому о привлечении к государственному управлению подлинных интеллектуалов просто не мог стоять (на XXIV съезде КПСС с гордостью отмечалось, что свыше 80% секретарей ЦК, республик, крайкомов, обкомов, председателей Совминов, краевых и областных исполкомов и около 70% министров и председателей госкомитетов начинали свою деятельность рабочими и крестьянами).

Более того, практика отрицательного отбора, отсеивавшего все самостоятельно мыслящее, действовала настолько эффективно, что до сих пор в провинции интеллектуальный уровень лиц, принадлежащих к местной управленческой верхушке (по результатам тестирования на известный IQ – «коэффициент интеллектуальности», проведенного зарубежными социологами) ниже не только среднего показателя по образованному слою, но даже среднего по всей популяции. То обстоятельство, что средний уровень образованности и культуры партийной номенклатуры был ниже такового интеллигенции в целом, привнесло некоторую объективную правомерность в известное противопоставление «чиновник – интеллигент» (лишенное смысла до революции, когда культурный уровень высшего эшелона власти был выше среднего уровня тогдашнего интеллектуального слоя).

Во всей советской истории наиболее благоприятными для интеллектуального слоя (разумеется, не в политическом, а в социальном плане) были 40-50-е годы, когда наметилось некоторое приближение к тем стандартам его статуса, комплектования и материального обеспечения, которые были свойственны старой России (что было тесно связано с общей тенденцией уподоблению до-революционным образцам), тогда как пристальное внимание к социальному составу образованного слоя характерно для периодов повышенного рвения

властей в попытках привести социальные реалии в соответствие с постулатами коммунистической идеологии (не случайно все исследования такого рода сопутствовали соответствующим практическим мерам или предваряли их). Послевоенный период поэтому не оставил данных по этой теме. Однако в дальнейшем советский режим никогда уже не оставлял своим вниманием социальный состав интеллигенции.

На качестве и положении интеллектуального слоя катастрофически отразилось хрущевское правление и заданные им подходы к политике в области науки и образования, обусловленные ожиданием пришествия коммунизма уже в ближайшие десятилетия. Именно тогда профанация высшего образования достигла апогея. Открывались десятки новых вузов, не имеющих реальной возможности соответствовать своему назначению. Именно в 60-е годы произошел наиболее резкий скачок численности студенческого контингента в сочетании с резким ухудшением его качества. Именно тогда была заложена основа

для невиданного «перепроизводства» специалистов, столь остро обнажившегося к 80-м годам. Именно в результате и в ходе невиданного расширения в эти годы образованного слоя произошло решающее, «переломное» падение престижа умственного труда и качественное понижение относительного благосостояния занимающихся им людей.

Особенно тяжелые последствия имели эти годы для будущего науки. Обвальное расширение штатов НИИ, умножение их количества имело естественным следствием заполнение научных должностей первыми попавшимися людьми, которые в обычных условиях не имели бы шансов попасть на научную работу, а в значительной части и не помышлявшими об этом. Люди, пришедшие в науку в 60-х годах, в пору «массового призыва», без естественного конкурса – худшее ее пополнение за все советские годы. К 80-м годам они составили большую часть того «балласта», от которого никак не могли избавиться в ходе начавшихся тогда поползновений на реформы. Более того, в силу естественного процесса смены поколений они заняли к тому времени основную часть руководящих постов в науке, проводя кадровую политику в этой сфере соответственно своей сущности.

Еще одним обстоятельством, определившим новый этап падения качественного уровня интеллектуального слоя в 60-х годах по сравнению с 50-ми, было то, что как раз к тому времени был полностью исчерпан запас специалистов дореволюционной формации, получивших действительно полноценное образование. С их исчезновением было окончательно утрачено понятие о критериях образованности и общей культуры. Наличие хотя бы мизерного числа старых интеллектуалов позволяло, по крайней мере, зримо представлять разницу между ними и интеллигентами советской формации. Их отсутствие сделало тип советского интеллигента абсолютной нормой. Плачевное состояние и положение в обществе интеллектуального слоя, наблюдаемое в настоящее время, полностью определилось уже к концу 70-х – началу 80-х годов. Окончательная его деградация уже тогда стала свершившимся фактом.

Состояние интеллектуального слоя, сформированного за годы советской власти таково, что даже идентификация его членов вызывает затруднение. При определении его как подлинно элитного слоя общества, за пределами его должны остаться не только низшие слои лиц умственного труда (естественным образом выпадающие из него по мере сравнения их уровня информированности и общей культуры с уровнем всей массы населения – как это происходило во всех европейских странах), но и большинство членов тех профессиональных групп, которые еще остаются элитными по европейским понятиям, поскольку степень их компетентности и культуры не соответствует соответствующим стандартам.

Поэтому даже в случае разрыва с советской традицией (какового на протяжении последнего десятилетия XX в. так и не произошло) перспективы восстановления дееспособного образованного слоя в стране весьма проблематичны. Не вызывает сомнения, что огромное число наштампованных советским режимом невежественных и недееспособных «образованцев» при твердом курсе на разрыв с практикой социалистического строительства останется не у дел. Поскольку эти люди объективно должны будут остаться вне нового интеллектуального слоя, они будут сопротивляться его формированию, отстаивая те критерии подготовки и культурного уровня, которым сами отвечают.

С другой стороны, практика функционирования новых властных структур после 1991 г. свидетельствует о том, что обретение достойного места в обществе людьми, вполне отвечающими самым высоким требованиям в отношении дееспособности и интеллектуального потенциала, также весьма проблематично, поскольку отсутствует выраженная заинтересованность в их привлечении и использовании со стороны государственной власти. В принципе численная незначительность отвечающих своему предназначению интеллектуалов могла бы быть компенсирована целенаправленным насыщением ими важнейших сфер государственной деятельности, выдвижением их на соответствующие должности. Однако практика индивидуального отбора в 90-х годах уже продемонстрировала свою чуждость такому подходу, поскольку в сфере государственных назначений всецело господствовал политический критерий отбора кадров, а в сфере частного предпринимательства (где в нормальных условиях естественный отбор работает безотказно), из-за мафиозно-номенклатурного характера российского «бизнеса» – критерий «блата».

Несмотря на противоестественный характер советского интеллектуального слоя в целом, в его составе сохранились или даже сформировались отдельные слои и группы, отличающиеся в лучшую сторону качеством некоторой части своих членов. Речь идет в первую очередь об академической среде и сфере военно-технических разработок. В ряде их отраслей сосредоточен, как известно, интеллектуальный потенциал, не уступающий зарубежному уровню по крайней мере в профессиональном плане. Оказавшись по разным причинам (одни из-за приоритетного к ним внимания и бережного отношения, другие, напротив, из-за максимальной удаленности от магистральной линии коммунистического строительства) вне сферы жесткого идеологического контроля, эта среда сумела отчасти сохранить черты, свойственные нормальной интеллектуальной элите. Она отличается и достаточно высоким уровнем самовоспроизводства. Она же отчасти сохранила даже некоторые традиции досоветского интеллектуального слоя. Целенаправленное сохранение этих кадров (при очистке их от недостойных сочленов) могло бы существенно облегчить задачу формирования нового интеллектуального слоя. Подготовка новой генерации интеллектуалов могла бы быть осуществлена через систему элитарных учебных заведений всех звеньев образования с конкурсным приемом. При созна-

тельной ориентации на известные образцы подготовка некоторого (хотя поначалу и сравнительно небольшого) числа отвечающих своему назначению интеллектуалов вполне возможна даже при имеющемся в настоящее время советском педагогическом потенциале.

Таким образом, если элитному слою интеллектуалов суждено будет возродиться в нашей стране, то он, по-видимому, сложится из трех основных составляющих: некоторого числа представителей советской интеллигенции, прошедших в новых условиях сито естественного отбора, отвечающих своему предназначению ряда слоев и групп нынешнего интеллектуального слоя и новоподготовленной генерации интеллектуалов. Однако возрождение интеллектуальной элиты как социального слоя может быть лишь следствием сознательных усилий государственной власти. В противном случае выращенные в ней интеллектуальные кадры (пусть самого высокого уровня) будут стремиться покинуть страну и влиться в ряды интеллектуалов более «престижных» государств.

Вследствие тяжелого экономического положения, такая перспектива для России особенно актуальна.

---

## **ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ**

Предисловие

1. Интеллектуальный слой дореволюционной России
2. Ликвидация старого и подход к созданию нового образованного слоя
3. Формирование советского образованного слоя и его состав
  - 3.1. Рост численности образованного слоя и изменение его положения в социальной структуре населения
  - 3.2. Политика советского режима в сфере формирования советской интеллигенции
  - 3.3. Социальный состав советского интеллектуального слоя
4. Основные черты советского образованного слоя и его место в обществе
  - 4.1. Некоторые характерные черты советской интеллигенции
  - 4.2. Советская интеллигенция как социальный слой

Заключение

Примечания

Таблицы

---

**Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.**